

Памяти Антона Павловича Чехова † 2 июля 1904 г.

Объ А. П. Чеховъ и его семействъ.

Мое знакомство съ Чеховыми началось въ Москвѣ, въ Восточныхъ номерахъ, находившихся на Садовой улицѣ, уголъ Улаевского переулка, въ домъ Малюшина. По окончании курса гимназии, я поселился въ этой гостиницѣ, гдѣ жило нѣсколько студентовъ, связанныхъ уроками съ этого мѣстности. Жили здѣсь и художники, — извѣстный Левицкий и, кажется, Нестеровъ.

Жили мы въ третьемъ этажѣ, въ одномъ коридорѣ. Естественно, что мы всѣ перезнакомились и образовали своего рода ботему, съ которой считался и самъ восточный управляющий гостиницы "Ильичъ", что не мешало ему кормить насъ какою-то зеленою говядиной и мучить холодомъ во время морозовъ.

Первоначально въ Восточные номера переехалъ братъ Антона Павловича, художникъ-карикатуристъ, Николай Павловичъ Чеховъ, у котораго я познакомился съ Антономъ Павловичемъ и ихъ сестрой Марей Павловной.

Съ Михаиломъ Павловичемъ я былъ знакомъ ранѣе, по московской 2-й гимназии, гдѣ мы оба обучались.

Съ Александромъ Павловичемъ я познакомился впоследствии, когда онъ поселился въ тѣхъ-же Восточныхъ номерахъ.

Воспоминанію объ этихъ милыхъ людяхъ я хочу посвятить эти строки.

Николай Павловичъ былъ очень талантливымъ художникомъ, но мнѣ онъ казался въ то время большимъ лѣнтяемъ. Впоследствии я узналъ, что онъ одерживалъ былъ не лѣнью, а чахоткой. Подобную ошибку могли сдѣлать и болѣе опытные люди, чѣмъ я, 20-лѣтній юноша-студентъ.

Онъ былъ прекрасный, отзывчивый товарищъ и преданный братъ.

Порядъ Антономъ Павловичемъ онъ благоговѣлъ и уже въ то время считалъ его великимъ писателемъ.

Такіе фразы: "вѣдъ великіе писатели, какъ Тургеневъ, или мой братъ Антонъ".... меня очень коробили. Надо имѣть въ виду, что Антонъ Павловичъ въ то время былъ только Антоша Чехонте и не былъ еще авторомъ "Степи", "Дуэли" и другихъ художественныхъ произведений. Сотрудничалъ онъ въ тѣхъ-же журналахъ, какъ "Будильникъ", "Свѣтъ и тѣнь", "Сверчокъ" и др. Невольно, что подобный отзывъ Николая Павловича о своемъ братѣ мнѣ казался хвастовствомъ.

Антонъ Павловичъ производилъ впечатлѣніе скромнаго и молчаливаго человѣка; оживлялся онъ только тогда, когда рѣчь заходила о хемицѣ. Онъ только что кончилъ медицинскій факультетъ въ Москвѣ и страшно любилъ свою науку. По окончании курса, онъ одно время готовился къ экзамену на доктора медицины. Но практический врачъ все-таки, изъ него не вышелъ.

Дѣлалъ онъ и моего брата. Когда я предложилъ ему деньги за визитъ, то онъ началъ отпихиваться руками. Но послѣ того, какъ я ему заявилъ, что онъ меня очень сгнѣмилъ, если не возьмешь денегъ, то онъ мнѣ сухо отвѣтилъ: "конечно, если я расъ стѣсно, я не въ правѣ отказываться".

Нѣбрежно засунувъ деньги въ жилетный карманъ, онъ быстро ушелъ изъ моего номера. Видно было, что мои деньги обогнали ему руки.

Марья Павловна Чехова также затѣяла въ Николаю Павловичу въ Восточные номера. Это была очень милая и скромная дѣвушка. Обучалась она на курсахъ проф. Герье. Если

она высказывала свое мнѣніе по какому-либо вопросу, то всегда очень скромно и съ оговорками: "я, конечно, недостаточно хорошо знаю, съ какою стороны или, можетъ быть, я не совсемъ правильно пошла это мѣсто въ книжѣ" и т. д.

Она не была красика, но въ ней светила какая-то женственность и духовная чистота и красота.

Отношеніе къ ней со стороны молодежи было благоговѣйное. Насъ съ ней было какъ-то легко и приятно въ ея обществѣ, и ни одинъ студентъ не позволялъ себѣ за мѣсто до того, чтобы сказать при ней вульгарное слово или принять безрыжженую позу. Со всѣми она держала себя какъ-то эстетически просто и мило.

Въ Восточные номера прѣхали изъ Таганрога и Александръ Павловичъ Чеховъ, послѣ разгрома таганрогской таможни, гдѣ онъ служилъ и злоупотребленія въ которой разоглажены въ "Нов. Тел.". Чеховъ вообще мало пили, но Александръ Павловичъ любилъ зашампанить и въ подпитіи, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, чѣмъ осенью смущалъ свою подругу жизни, которую, по мнѣнью, гдѣ подцѣплялъ. Когда онъ при насъ высказывалъ какое-нибудь крылатое словечко, то приходила въ ужасъ: "Сама, сама, что ты? Ты меня за женщину не считаешь?" Но эти протесты не помогали, онъ еще болѣе вдохновлялся ею.

Это былъ добрейшій по душѣ человѣкъ.

У всѣхъ Чеховыхъ была слабость: дѣлать съ своими товарищами послѣдней косячокъ, но Александръ Павловичъ страдалъ этой слабостью выше всякой мѣры. Несмотря на свою щедрость, Чеховы умѣли сводить концы съ концами, — вѣроятно, потому, что они были всѣ очень дружны и поддерживали другъ друга.

Мои воспоминанія оъ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ были бы не полны, если-бы я не упомянулъ еще объ одномъ эпизодѣ: о нашѣхъ посѣщеніи публичнаго дома, съ цѣлью анкетъ, въ компаніи еще съ однимъ, только что окончившимъ врачевъ, товарищемъ Чехова. Мы задались цѣлью узнать непосредственно отъ самихъ бывшихъ рабынь, какъ онѣ "дошли до жизни такой"? За дѣло мы принялись очень серьезно, сознавая, что идемъ туда не для развлечения и не изъ пустого любопытства, а съ высокою цѣлью проникнуть въ жизнь страдающаго челоѣчества, найти причину и страданія, а если удастся, то найти и средства облегчить эти страданія, или указать путь къ тому.

Всѣ публичные дома въ Москвѣ въ то время помѣщались на Срѣтенкѣ, въ Соколовыхъ переулкѣ. Мы зашли въ первый изъ нихъ, на правой сторонѣ, рублевого достоинства, называемый "студенческой", такъ какъ онъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ студентовъ. Всѣхъ рабынь было тамъ 6, а насъ трое: мы ихъ подѣлили поровну и на каждого досталось по двѣ. Нужно было дѣйствовать очень тихо и осторожно, такъ какъ рабыни не любятъ вспоминать своего "миллаго прошлаго" и любили ныть, посылали бы безъ церемоніи къ черту. Пришлось прибѣгнуть къ угощенію.

Любимымъ угощеніемъ были въ этихъ домахъ портреты и лапти.

Постановили "на конь" въ свои "соображенія", кто сколько имѣлъ и на столъ поставилось нѣсколько бутылочекъ портрета, лафиту, ашеланнымъ и пр.

Возлились мы съ ними съ 11 часовъ вечера и до 4 часовъ утра, когда, наконецъ, томленнымъ, вышли изъ "заведенія".

Нужно было подлѣяться впечатлѣніями и результатами анкетъ.

Въ то время возлѣ Сухаревой башни былъ одинъ трактиръ; въ верхнемъ этажѣ (мы

ахъ для чистой публики, а въ нижнемъ для ерой).

Въ черной половинѣ въ 4 часа утра обикновенно извозчики-бабы чаи.

Вотъ туда то мы и направились! Заказали себѣ "3 пары чаю" и выложили свои записки.

Что же оказалось?

Результатъ у всѣхъ былъ одинаковъ. Сообразивъ купецъ, прикащикъ или офицеръ; знали родители и выгнали вонъ; пришла въ Москву искать мѣста, а мѣсто не было; по-томъ случайно познакомилась съ одной дѣвушкой, которая вышла се на цѣть проституции:

— Вѣдъ, не умирайте-же съ голоду!

Но и тутъ жилось не сладко: питаться приходилось апрошодъ, заблудъ на морозѣ и по-лучать побои отъ "котовъ"!

— Вотъ и поступила въ "заведеніе". Здѣсь я одѣла, накормила, живу въ теплѣ; хозяйка — добрая. Жизнью довольна!

Чеховъ былъ очень сосредоточенъ и даже блѣденъ! Видно было, что прѣвращеніе въ "заведеніе" потрясло его чистую и впечатлительную натуру. Мнѣ казалось, что руки его дрожали. Но мы сознались, что наше обѣщаніе было неудачнымъ, такъ какъ не узнали для себя ничего новаго. Утомленные, почти разбитые, мы разошлись по домамъ около 6 часовъ утра.

Знакомство съ Чеховыми продолжалось у меня около года; потомъ они переселились изъ Москвы, и я ихъ потерялъ изъ виду.

И Зеленинъ.